

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Т-РК (СМО)

ВРЕМЯ от времени приходит мысль о тщетности критических усилий, особенно сейчас, когда проявление профессии легко уподобить после гугля на току. Уходят эти справедливые, но грустная мысль только тогда, когда обнаруживаешь хоть слабую свою полезность.

Она и вправду слаба: за многие годы писаний, восторгов и восклицаний моих по поводу гибели того или иного дарования, кажется, лишь однажды услышали меня. Причем не в родном Питере, а в далеком Омске. Годы полтора назад я посетовала на страницах «Э», что никому не нужны в северной столице режиссеры Лев Стукалов, Бенямина Фильштинский, Вадим Голянов. Результат превзошел ожидания (порочем, ожиданий и вовсе не было): колонку заметила вальшт Омской драмы Лидия Пугачева и придумала благотворительную акцию — сезон петербургской режиссуры. Чистоту эксперимента нарушил лишь Мария Райль, поставивший в Омске «Мефистофельскую свадьбу» Брехта. Сезон увеличился приглашением Льва Стукалова на должность главного режиссера.

Много шума из ничего

Затаяла «действенность критики», с одной стороны, приятна. С другой стороны, в родном то городе ничего не изменилось. Как был он пожирателем юных и не очень юных дарований, так и остался. Миряцность нашей почвы в этом плане неистребима. Болото!

Еще одно останабливает меня в профессиональных терзаниях о спектаклях: если я не буду писать о спектаклях, откуда режиссеры узнают о работе коллег? Ведь они не смотрят чужих спектаклей. На свои и то лишь раз взглянуть. А так — протрут заметку, особенно критическую, порадуются: жизнь идет, спектакли ставят, и по-прежнему плохие. Я бы назвала это явление режиссерским интересом. Откуда такой эгоцентризм? Поколение, что-ли, такое?

Боюсь, что поколение вообще нет никакого. В театре они так долго не менялись, что теперь идет не смена поколений, а непрерывный «ротация», которая больше напоминает мутацию. В этом эстетико-физиологическом процессе каждый участвует в одиночку. Каждый в неяркой борьбе с себе подобными рвется к должности, имея ее свободой творчества. А дождавшись — замирает в неподвижности, тутно в опять же одиноко охраняя свой покой. Если бы переход от социализма к капитализму в нашей стране зависел бы от степени эгоцентризма деятелей культуры, то процесс закончился бы уже давно толпой победой капитализма. Открытым остается лишь вопрос: может ли человек, не интересующийся себе подобными дру-

гими и не чувствующий другого человека, претендовать на роль художника.

Но вот еще одна загадка нашей театральной жизни: при том, что никто не смотрит чужих спектаклей, большинство постановок так похожи друг на друга, словно ставил их один режиссер. Из премьеры в премьеру перекочевывают не просто штампы, но целые сцены и приемы. Список актерского существования унифицировался. Я не говорю об исключениях, вроде Молодежного театра, или островках, вроде Малого драматического, — они не участвуют. Но средненький петербургский спектакль производит неостроумное впечатление жидкой манной кашки, размазанной по мелкой тарелке.

Иногда даже подумаешь, не ставил ли все эти «шедевры» один режиссер Александр Исаков, который прославился изумительной сыростью постановок и отчаянной всеядностью. Только в этом сезоне он поставил в своем родном Театре имени Комиссаржевской и в других порядка десяти спектаклей. Но звать-таки процесс унификации только на его младшие плечи было бы несправедливо. Хотя есть и исключение: шесть это чертой традиционных прагматиков. Я бы сказала, «поколение» стало сейчас пустым звуком. Тем более что в самих театральные деятели используют иные термины. «Группа крови», например. Поставил Исаков в Открытом театре «Шум за сценой» и мифотом был «Соблазна в усыновлении» И. П. Владыкиным. А вот Татьяна Иванова, приглашенная в эту же труппу года два назад, объявлена чужаком, очевидно, потому, что не отказывается от своего учителя, смеет восстаивать спектакли А. В. Эфроса, давать интервью по ТВ... Таким смеялкам обычно говорят: «У вас деньги в другом банке!» — и не дают работать. Такие смеялки обычно уезжают в Москву, реже — в Омск или Стокгольм.

А нам остается унифицироваться. Так что скоро мы вполне можем именовать свои труппы: «Театр Петросовых № 1», «Театр Петросовых № 2» и так далее. При этом не худо бы вспомнить и о зрителях: им, наверное, не понадобится так много одинаковых театров — посмотрел один спектакль и сыт. Так что обудется и мечта петербургского театрального начальства, которое все время пытается один театры закрыть (сейчас туча бросят над «Экспериментом» Виктора Харитоновича, другие соединять в «Холодильники»). К чему приводит усилия Комитета по культуре (безназванным могу сообщить, что возглавляет его нынче киномартистка Елена Драненко), можно судить по «Балтийскому дому». Сейчас им руководит не режиссер, а директор, и репертуар с момента саятия В. Гвоздкова с должности художника заметно бульваризировался: афиша обещает все тот же «Шум за сценой». Без ярости. Подозреваю, что массовый спектакль — это эстетический идеал нового начальства. Что до творцов, то их пристрастие и этой пристрастие объяснимо: в пьесе столько «дирижеских» канонсов — там речь идет об актерских плохих провинциальных уеатрах, значит, можно играть, как обычно, — плохо и провинциально.

Елена АЛЕКСЕЕВА.